

Влияние правовых позиций ЕСПЧ о провокации преступлений на российскую судебную практику

Научный руководитель – Кауфман Михаил Александрович

Кирсанова Алина Сергеевна

Аспирант

Российский государственный университет правосудия, Факультет подготовки кадров высшей квалификации, Москва, Россия

E-mail: alina.kirsanoff@gmail.com

В статье рассматривается условно новая категория «провокация преступления». Проанализированы правовые позиции Европейского суда по правам человека по вопросу провокации преступлений, приведен анализ действий российских властей по устранению систематического нарушения статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Ключевые слова: провокация преступления, Европейский суд по правам человека, уголовное право.

Глобализация как объективный этап интернационализации международных отношений, не могла не затронуть и российскую правовую систему.

Правовые позиции Европейского суда оказывают непосредственное влияние на формирование отечественной судебной практики по уголовным делам [1][2]. На протяжении уже более 12 лет, рассматривая жалобы российских граждан о нарушении права на справедливое судебное разбирательство вследствие провокации преступлений, ЕСПЧ регулярно называет системную ошибку в российской правоприменительной практике.

Впервые на таком высоком уровне факт провокации правоохранительными органами был выявлен в 2005 году в ходе рассмотрения жалобы “Ваньян против Российской Федерации” [3]. ЕСПЧ установил, что национальный Суд для признания Ваньяна виновным в сбыте наркотиков использовал доказательства, полученные оперативными работниками в ходе провокации преступления; указал на недопустимость использования показаний тайных агентов для обоснования обвинительного приговора.

Кроме того, постановление обозначило тонкую грань, за которой законные действия тайного агента перерастают в недопустимую провокацию преступления. Таким показателем является ситуация, когда действия агента направлены на подстрекательство к преступлению, и из обстоятельств дела следует, что именно вмешательство тайного агента послужило причиной совершения преступления.

Более подробное описание проблемы провокации ЕСПЧ привел в следующем постановлении 2006 года по жалобе “Худобин против Российской Федерации” [4]. Практическую и научную ценность представляют обозначенные в постановлении признаки провокации преступления: активное подстрекательство со стороны сотрудников правоохранительных органов, сотрудничество информатора с полицией, отсутствие криминального прошлого заявителя.

Особое внимание Европейский Суд уделил необходимости устанавливать ясную и предвидимую процедуру по осуществлению оперативного мероприятия, а также специальный контроль над этим мероприятием, чтобы обеспечить добросовестность со стороны органов государственной власти и соблюдение должных целей со стороны правоохранительных органов.

На этом, однако, количество поданных в Европейский Суд жалоб по вопросу провокации не только не уменьшилось, но увеличились в несколько раз. Начиная с 2012 года,

количество жалоб поступающих от граждан России, возросло настолько, что Европейский Суд стал высказывать свою позицию о провокации, объединяя по данной проблеме в одно производство сразу несколько жалоб [5]. В 2016 году количество объединенных в одно производство жалоб возросло до 13 [6].

Положительная динамика появилась в 2017 году - только одно постановление в отношении Российской Федерации по вопросу провокации преступления [7].

На законодательном уровне реакция властей России на указанные постановления стало внесение изменений в Федеральный закон "Об оперативно-розыскной деятельности" [8]. В 2007 году перечень действий запрещенных для лиц, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, был дополнен прямым запретом провокации. При этом под провокацией подразумевается подстрекательство, склонение, побуждение в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий. Позднее это определение без изменений появится в Обзоре судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ [9].

Изменения отечественной правоприменительной практики подчеркивают особый статус института провокации. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, руководствуясь правовыми позициями Европейского Суда, в 2008 году признала, что в действиях лица, спровоцированного на совершение преступления (получения взятки) сотрудниками правоохранительных органов, отсутствует состав преступления [10].

В последующем данное положение было закреплено в п. 34 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. N 24 "О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях": "Принятие должностным лицом либо лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, при указанных обстоятельствах денег, ценных бумаг, иного имущества или имущественных прав, а равно услуг имущественного характера не может расцениваться как уголовно наказуемое деяние. В этом случае в содеянном отсутствует состав преступления." При этом ни в постановлении, ни в судебных решениях [11] не указывается, какой именно элемент состава отсутствует.

Также встречаются оправдательные приговоры по делам о провокации, в связи с отсутствием события преступления [12].

Помимо вышеуказанного, к позитивным тенденциям в отечественной правоприменительной практике стоит отнести признание Верховным судом решений европейского Суда по делам о провокации в качестве нового обстоятельства и возобновления, в связи с этим, уголовного производства [13].

Однако на сегодняшний день не представляется возможным говорить о единообразии судебной практики, ведь зачастую доводы защиты о совершении преступления в результате провоцирующих действий судами надлежащим образом не исследуются.

Для решения вышеуказанной проблемы считаю необходимым внесение изменений в национальное законодательство (в том числе в ФЗ "Об оперативно-розыскной деятельности" и Уголовный Кодекс) для устранения несоответствий Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Источники и литература

- 1 Федеральный Закон от 30 марта 1998 г. N 54-ФЗ "О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней"; п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда России от 10 октября 2003 г. N 5 "О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права

и международных договоров Российской Федерации. Если в сноске нет указания на иной источник и не указаны номера страниц, ссылка сделана на материалы, размещенные в СПС "Консультант Плюс".

- 2 п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. N 21 "О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней".
- 3 Постановление ЕСПЧ от 15 декабря 2005 г. по жалобе "Ваньян против Российской Федерации" (Vanyan v. Russia), жалоба N 53203/99.
- 4 Постановление ЕСПЧ от 9 июня 1998 г. Тейшейра де Кастро (Teixeira de Castro) против Португалии жалоба N 25829/94
- 5 § 133 Постановление ЕСПЧ от 26 октября 2006 г. "Худобин (Khudobin) против Российской Федерации" жалоба N 59696/00
- 6 ст. 3 Федерального закона от 24 июля 2007 г. N 211-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму"
- 7 ст. 5 Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности" от 12.08.1995 N 144-ФЗ
- 8 п. 7.2 Обзор судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ, утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 27 июня 2012 г.
- 9 Обзор судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 27 июня 2012 г.)
- 10 Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 21.02.2008 г. N 9-О08-4
- 11 Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 23.04.2015 г. N 45-УДп15-2; Постановление Президиума Магаданского областного суда от 17.03.2017 N 44у-3/2017
- 12 Кассационное определение Липецкого областного суда от 20.11.2012 г. № 22-1913
- 13 Постановления Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 26.04.2017 N 59П17; от 02.11.2016 N 121-П16; от 15.02.2017 N 5П17; от 15.03.2017 N 15П17; от 12.04.2017 N 28П17; от 02.11.2016 N 140П16